В.В. Илюшина *, В.А. Зах *, Д.Н. Еньшин *, Е.В. Тигеева *, А.В. Кисагулов **

* ФИЦ Тюменский научный центр СО РАН
ул. Малыгина, 86, Тюмень, 625026
E-mail: vika_tika@mail.ru; viczakh@mail.ru;
dimetrius666_72@mail.ru; flena84@mail.ru
** Институт экологии растений и животных УрО РАН
ул. 8 Марта, 202, Екатеринбург, 620144
E-mail: akis9119@gmail.com

КОМПЛЕКС УКРЕПЛЕННОГО ПОСЕЛЕНИЯ МАРАЙ 4 НАЧАЛА РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИИШИМЬЯ

Исследование укрепленного поселения Марай 4 начального этапа раннего железного века в лесостепном Приишимье имеет большое значение для понимания исторических процессов в период формирования в лесостепи Западной Сибири скотоводческих культур раннего железного века, позволяет реконструировать домостроительные традиции, рассмотреть особенности керамического комплекса, виды домашних производств и хозяйственную деятельность группы предсаргатского населения, оставившей поселок. Хронологические рамки существования поселения по данным радиоуглеродного датирования определяются VII–V вв. до н.э. Исходя из всего комплекса полученных материалов предложены варианты интерпретации культурно-исторических процессов на рубеже переходного от бронзы к железу времени — начала раннего железного века в рассматриваемом регионе.

Ключевые слова: лесостепное Приишимье, укрепленное поселение Марай 4, ранний железный век, керамика, производственная деятельность, хозяйство, радиоуглеродное датирование.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-029-047

Введение

Формирование культурного облика населения начального этапа эпохи раннего железного века — периода становления новых стандартов во всех сферах жизни древних обществ является одним из спорных вопросов в археологии подтаежного и лесостепного Приишимья. Все известные к концу прошлого столетия материалы начала раннего железного века, происходящие из памятников Нижнего Приишимья, весьма незначительная часть которых изучена раскопками, были включены в ареал баитовской и богочановской (журавлевский этап) культур [Стоянов, 1970, с. 226–231; Матвеева, 1994, с. 6–11; Данченко, 1996]. В настоящее время существуют две основные концепции относительно культурогенеза в рассматриваемый период на указанной территории. Согласно первой, территория лесостепного Приишимья входила в ареал баитовской культуры, сформировавшейся на основе позднебронзовой бархатовской [Матвеев, Аношко, 2009, с. 350], датирующейся VII–V (IV–III) вв. до н.э. [Корякова, 1991, с. 28; Матвеева, 1994, с. 9]. При сходстве керамических комплексов Тоболо-Ишимья исследователями отмечено своеобразие коллекций Приишимья, проявляющееся в наличии большего количества сосудов, на тулове которых нанесены ряды ямочных вдавлений. Данная особенность приишимской керамики связывается с влиянием декоративных традиций сузгунской культуры [Матвеева, 1994, с. 9; Волков, 2001, с. 220–221].

Иной точки зрения придерживается С.И. Цембалюк, поставившая вопрос о правомерности включения приишимских комплексов в баитовскую культуру [2017]. По мнению исследователя, на основе красноозерской культуры, сформировавшейся в процессе синтеза сузгунских и пришлых северных (атлымских) традиций, к началу раннего железного века сложились комплексы журавлевского типа. В результате развития последних в подтаежной зоне Приишимья и Прииртышья складываются богочановские древности, а в лесостепном Приишимье — близкие к баитовским Притоболья [Цембалюк, Берлина, 2014], которые предложено назвать «лихачевскими» [Цембалюк, 2017]. Отличия «лихачевского» керамического комплекса от баитовского притобольского проявляются в значительном количестве закрытых форм сосудов, высокой доле ямочных узоров, покрывающих в том числе тулово изделий [Там же]. В то же время нельзя не отметить, что в последней работе, посвященной одному из опорных памятников начала раннего железного века — городищу Марай 1, комплекс обозначен как «баитовский» [Зиняков, Цембалюк, 2019, с. 17–18].

В связи с неоднозначностью интерпретаций как самих комплексов начала раннего железного века, так и процессов их формирования в лесостепной зоне Приишимья значительный интерес представляют материалы укрепленного поселения Марай 4. Репрезентативный керамический комплекс, коллекция глиняного, каменного и бронзового инвентаря, палеозоологический материал позволяют в том числе рассмотреть направления хозяйственной деятельности и виды домашних производств у коллектива, оставившего памятник. Кроме того, полученные радиоуглеродные даты дают возможность дополнить и уточнить представления о культурно-исторической ситуации на начальном этапе раннего железного века в регионе.

Результаты полевых исследований

Укрепленное поселение Марай 4 находится в Казанском районе Тюменской области, расположено на останце II надпойменной террасы левого берега р. Ишим в урочище Борок недалеко от безымянной старицы р. Ишим, поблизости от изученных ранее городищ раннего железного века Марай 1 и 5 (рис. 1, *1, 2*) [Рафикова 2013; Цембалюк, 2014]. Памятник открыт С.Н. Скочиной в 2014 г. [Скочина, 2016]. Укрепленное поселение размерами 53,9×55,1 м оконтурено слабо выраженной в рельефе двойной линией обороны — валом и рвом (рис. 1, *3*). На современной дневной поверхности ширина вала составляет от 2,5 до 3,5 м, высота — 0,1–0,25 м, ширина рва, примыкающего к валу с внешней стороны,— от 2,0 до 3,0 м, глубина — 0,1–0,2 м. Оборонительная система разомкнута с северо-восточной стороны на расстояние 20 м. На площади поселения выявлены остатки сооружений двух типов. Первый тип представлен четырьмя западинами, их размеры варьируют от 4,0×4,0 до 5,5×7,0 м, глубина — от 0,2 до 0,36 м. Второй тип — семь слабо выраженных в рельефе наземных сооружений, представляющих собой приподнятые невысокие площадки округлой и овальной форм, их размеры от 7,5×8,5 до 11,5×13,0 м, высота 0,1–0,3 м. Площадки окружены по периметру 1–4 внешними ямами округлой формы диаметром от 1,5 до 3,0 м, глубиной 0,1–0,25 м. В центральной части сооружений № 1, 2 и 5 зафиксированы ямы диаметром до 1,5–6,0 м. Жилища примыкают к оборонительной системе, центральная зона поселения свободна от построек.

В южной части памятника обнаружен курган размером 7,0×7,5 м, высотой 0,2 м, с грабительской ямой в центре размером 2,5×2,5 м, глубиной 0,4 м. По всей видимости, это сооружение относится к курганному могильнику Марай 9, расположенному в непосредственной близости от поселения [Скочина, 2016].

С целью получения информации об особенностях жилых конструкций и системы укреплений, а также выявления связи зафиксированных западин с основными объектами в 2015 г. в северной части памятника заложен раскоп площадью 327 м^2. В него вошли остатки наземного сооружения № 6, двух западин (№ 3 и 4) и небольшой участок оборонительной системы. В процессе работ выявлено, что в площадь раскопа попали остатки еще одного наземного жилища, не выраженного в рельефе. Культурный слой в пределах сооружений и рва представлен супесями темно-коричнево-серого и коричневого (в придонной части) оттенков, а в межжилищном пространстве и на валу — коричнево-серой и коричневой супесями. На их фоне фиксировались линзы различной конфигурации, сложенные супесью других оттенков (серой, темно-серой, темно-серой с включениями угля, темно-коричневой, светло-серой), которые являлись, в том числе, остатками конструкции построек. Материк — светло-коричневая супесь с участками суглинистого грунта — выявлен на уровне 0,5–0,75 м от поверхности. Общая мощность культурного слоя составила 0,5–0,75 м, во рву — 0,65 м, в ямах — до 0,8–1,4 м.

В процессе работ на площади раскопа выявлены 60 ям различных размеров, конфигурации и глубины, а также остатки рва (рис. 2). В результате планиграфических и стратиграфических наблюдений признаков котлованов сооружений, которые можно было бы соотнести с выявленными западинами и объектами, вошедшими в площадь раскопа и первоначально интерпретированными как жилищные впадины, не обнаружено. С полностью изученным наземным сооружением № 1 без котлована (№ 6 согласно плану памятника) связаны ямы № 2, 5–8, 11, 22, 25, 30–45, 47, 60, 61. С остатками частично изученного сооружения № 2, возможно, соотносятся ямы № 13, 50, 51. Конструкции, возведенные на валу, вероятно, могут документироваться ямами № 54–59. В кв. АБ/22–24 выявлена яма № 4, размеры изученной части которой составляют 0,3–1,55×2,75, глубина — 0,13–0,35 м; полагаем, что она могла представлять небольшую конструкцию, с выступом-нишей в одной из стен, возможно, хозяйственного назначения. Сочетание на поселениях построек без котлована наземных и слабо углубленных в материк известно на городище Борки 1, где получены материалы журавлевского типа [Зах и др., 2015]. Обнаруженные в

кв. в–г/8, 9 и д–ж/8, 9 ямы № 12 и 14, судя по находкам в их заполнении керамики, в том числе целого миниатюрного сосудика, принадлежащих к саргатской культуре, вероятно, могут относиться ко времени функционирования могильника Марай 9. Достаточно четкая интерпретация назначения и связи с выявленными сооружениями остальных ям (№ 1, 3, 9, 10, 12, 14–21, 23, 24, 26–29, 49, 52, 53), расположенных на межжилищном пространстве, затруднительна.

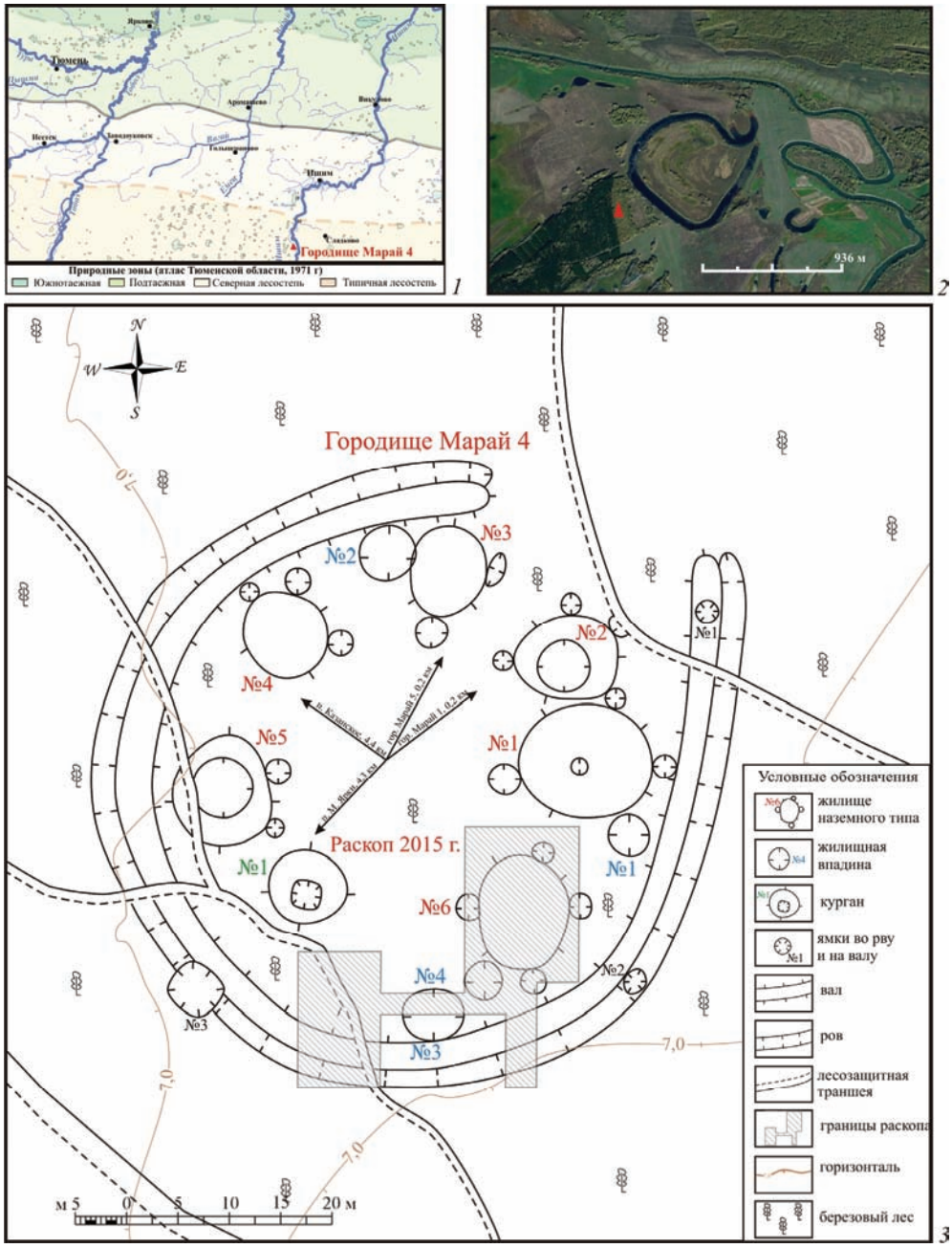

Рис. 1. Карта-схема (*1*), космоснимок (*2*) месторасположения и план-схема (*3*) укрепленного поселения Марай 4.

Fig. 1. The map-scheme (*1*), landscape image (*2*) of location and scheme (*3*) of the settlement Maray 4.

Коллекция находок, полученная при раскопках памятника, составляет 7574 ед., представлена в основном керамикой (7227 экз.), палеозоологический материал незначителен (208 экз.), орудийный набор немногочислен (139 экз.). Основная масса отдельных фрагментов, скоплений обломков и развалов сосудов, орудия и коллекция костных остатков соотносится с комплексом начального эта-

па раннего железного века. Кроме того, в культурном слое обнаружено незначительное количество фрагментов сосудов эпохи энеолита, красноозерской культуры переходного времени от бронзового века к железному и саргатской культуры раннего железного века.

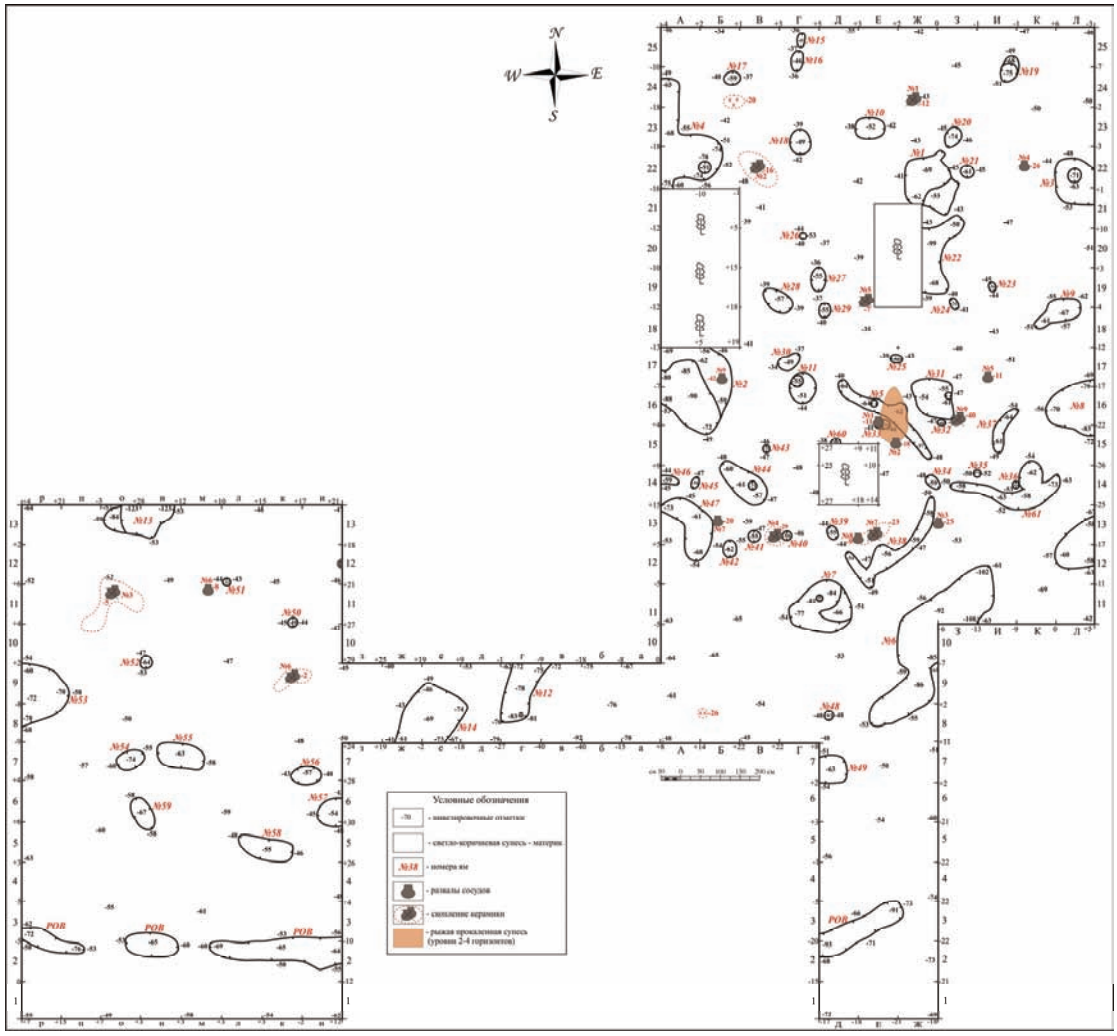

Рис. 2. План раскопа на укрепленном поселении Марай 4.
Fig. 2. General plan of excavation on the hillfort Maray 4.

В итоге исследований получены материалы, позволяющие охарактеризовать специфику домостроительных традиций, хозяйственно-производственной деятельности, особенности керамического комплекса проживавшей на поселении группы древнего населения. В результате радиоуглеродного датирования выявлена хронологическая позиция памятника. Таким образом, совокупность сведений дает возможность подойти к решению вопросов становления культур раннего железного века на территории Нижнего Приишимья и своеобразия культурного облика населения этого периода.

Сооружения и система укреплений

В результате работ на площади укрепленного поселения Марай 4 выявлены остатки предположительно трех сооружений — двух наземных и одной слабо углубленной в материк конструкции. Наиболее информативным из исследованных жилищных объектов является наземное сооружение без котлована № 1.

На дневной поверхности сооружение фиксировалось в виде приподнятой площадки овальной формы размерами 8,5×11 м, высотой 0,2 м. По периметру объекта читались четыре ямы округлой формы диаметром 2,0–2,5 м, глубиной до 0,25 м. Очертания объекта в виде овального

пятна темно-коричнево-серой супеси фиксировались уже на уровне 1-го горизонта. Со 2-го горизонта на его фоне прослеживались углистые прослойки округлых и вытянутых форм — маркеры деревянной конструкции жилища.

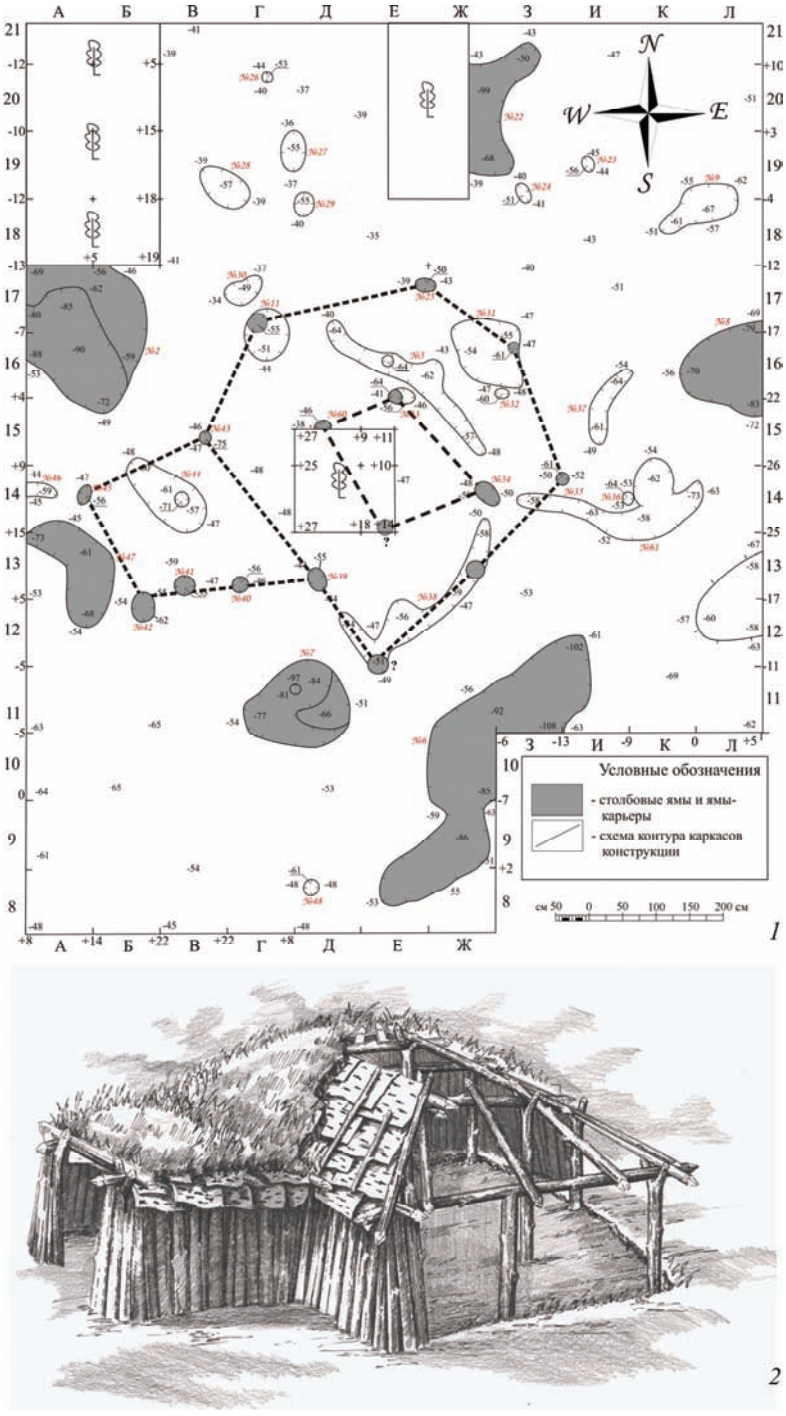

Рис. 3. Схема каркасно-столбовой конструкции сооружения № 1 на укрепленном поселении Марай 4 (*1*) и графическая реконструкция возможного варианта его внешнего вида (*2*).
Fig. 3. The scheme of the frame-and-pillar structure of construction 1 on the settlement Maray 4 (*1*) and a graphic reconstruction of the possible variant of its appearance (*2*).

На уровне материка фиксировалась система столбовых ям округлой и овальной форм диаметром от 0,15 до 0,45 м, глубиной от 0,07 до 0,29 м. В северо-восточной и юго-восточной части

жилищной площадки располагались две вытянутые канавки длиной от 1,25 до 3,5 м, шириной в основном 0,2–0,3 м, глубиной от 0,1 до 0,23 м.

Анализ расположения столбовых ям позволил предположить в качестве наиболее вероятной двухкаркасную конструкцию — с центральным и периферийным сегментами (рис. 3, *1*). Первый маркирован тремя выявленными ямами — № 33, 34, 60 и одной предположительной, второй — ямами № 5, 11, 25, 32, 35, 38, 39, 43. Основание жилищной конструкции в плане имело, скорее всего, многоугольную форму и было сориентировано по линии СЗ–ЮВ. Вероятно, с юго-западной стороны к жилищу примыкал пристрой в виде небольшой ниши, фиксируемой по столбовым ямам № 40–42, 44, 45 (рис. 3, *1, 2*). Не исключено, что данная конструкция маркирует коридорообразный выход из жилища.

Наиболее оптимальные параметры конструкции кровли сооружения, принятые с учетом функциональности, возможных нагрузок и доступности для ремонта и не противоречащие этнографическим данным, следующие: угол наклона крыши — 20–40º с некоторыми допусками; высота каркасной конструкции и всей постройки от пола до верхней точки — преимущественно не более 2,0–2,2 м [Никитин, 2002; Берлина, 2010, с. 46; Еньшин, 2014; Соколова, 1959, с. 15–16; Адаев, Зимина, 2016]. В представленной вероятной схеме каркасно-столбовой конструкции длина пролетов между столбами также является оптимальной и не превышает отметки в 2,7 м при средних значениях 1,5–2,0 м.

Таким образом, исследованное сооружение могло состоять из вертикально установленных столбов (опоры центрального каркаса чуть выше опор периферийного), соединенных поверх балками. Расстояние между балками могло заполняться колотыми плахами, жердями, тесинами. Полагаем, что поверх деревянных конструкций кровли и стен жилище дополнительно утеплялось слоями бересты, коры, травы и присыпалось грунтом, что и создавало в процессе археологизации сооружения видимость приподнятой округлой площадки. Данное предположение, на наш взгляд, документируется как морфологией сооружения в рельефе (приподнятая площадка), так и планиграфической ситуацией на уровне 1–4-го горизонтов: сооружение сначала фиксировалось в виде монолитного пятна темно-коричнево-серой супеси подовальной формы (1–2-й горизонты), а при приближении к материку этот слой оконтуривал жилищную площадку полосой, достигающей ширины 3,0 м (3–4-й горизонты). Подобная схема сооружения и утепления крыши и стен наземных жилищ отмечена исследователями, например, у тазовских селькупов (таежная зона Западной Сибири) [Адаев, Зимина, 2016]. Грунт для присыпки стен таежные строители брали вокруг постройки, отчего по периферии образовывались ямы-карьеры, использовавшиеся впоследствии как хозяйственные/мусорные [Там же]. Этот же принцип прослеживается и по археологическим материалам. Вокруг исследованного жилища в качестве ям-карьеров могли выступать объекты № 2, 6–8, 22, в заполнении которых также фиксировались кухонные остатки в виде обломков посуды, в том числе развала в яме № 2 (рис. 5, *14*), керамических скребков, фрагментов лепных глиняных пряслиц, обломков костей животных. В целом наклонные стены, плавно переходящие в достаточно покатую кровлю, создавали эффект купола, при котором, как отмечают исследователи, снеговетровые потоки обтекали конструкцию, заметая ее снегом в зимний период, что, в свою очередь, существенно снижало теплопотери [Матвеева и др., 2005, с. 117].

Интерьер — всегда наиболее сложно реконструируемая часть сооружений. В данном случае можно лишь отметить две канавки, протянувшиеся по дуге, повторяющей общий контур жилища в его восточной половине (рис. 3, *1*). Эти углубления могли «отделять» центральную очажную зону от вероятной спальной, которая, в свою очередь, располагалась, скорее всего, в дальней от вероятного выхода части жилища. Непосредственно сам очаг зафиксирован не был. Пятно прокаленной супеси отмечалось на уровне 2–4-го горизонтов в районе одного из опорных столбов центрального каркаса и одной из канавок (Е, Ж/15–17) (рис. 2), что затрудняет его интерпретацию в качестве признака очага. Данное пятно скорее может свидетельствовать об интенсивном горении самой деревянной конструкции (жилище погибло в результате пожара).

Общая площадь комфортного перемещения внутри данного реконструируемого жилища должна была составлять около 30 м^2 (с учетом пристроя/выхода). Исходя из того что для одного человека исследователи отводят 3,5 м^2, предполагаем, что в данной постройке могло проживать до 8 чел.

На площади второй наземной постройки, изученной частично, зафиксировано всего три ямы, две из которых (№ 50, 51), вероятно, являлись столбовыми, а яма № 13 могла служить карьером

для забора грунта, шедшего на присыпку стен. Вследствие того что изучена лишь часть данного сооружения, можно только предположить его аналогичную вышеописанной конструкцию.

В результате исследований участка укреплений выявлено, что достаточно хорошо фиксирующийся в рельефе ров в действительности представлял собой прерывающуюся канавку шириной от 0,3–0,5 до 0,6–0,8 м, глубиной всего 0,09–0,25 м от уровня материка. В разных частях раскопа заполнение рва составляла супесь темно-коричнево-серого, серого и светло-серого оттенков, находок в его заполнении не было. На некоторых участках слабо выраженного вала, сложенного супесью темно-коричнево-серого оттенка, шириной около 3 м, высотой не более 0,2 м, на протяжении нескольких горизонтов фиксировались линзы темно-серого оттенка с включениями угля. Под его насыпью в кв. и–л/5–7, н–о/5, 6 зафиксированы шесть ям размерами от 0,45×0,75 до 0,5×1,4 м, незначительной глубины, составляющей 0,08–0,19 м. Ввиду невыразительности остатков конструкции, оконтуривающей поселок, какая-либо их интерпретация затруднительна. Можно предположить, что на валу располагался забор или плетень, а из канавок, образовавших ров, забирался грунт для его присыпки.

Традиция возведения построек наземного типа без котлованов и конструкций вокруг поселков получает распространение на территории Нижнего Приишимья в переходное от бронзы к железу время и на начальном этапе раннего железного века [Зах, Зимина, 2014; Цембалюк, Берлина, 2014; Зах и др., 2015; Илюшина, Рафикова, 2018].

Керамический комплекс

Коллекция керамики, соотносящаяся с начальным этапом раннего железного века, насчитывает 7190 ед. не менее чем от 172 сосудов (по шейкам). В пределах наземных сооружений и на межжилищном пространстве отмечено 7 развалов и 9 скоплений керамики, а также одно целое изделие (обнаружено в сооружении № 1). Некоторые сосуды реконструированы полностью.

По морфологическим признакам керамика неоднородна и находит аналогии в журавлевских комплексах памятников Ишимо-Иртышского междуречья, а также баитовской культуры. В коллекции достаточно четко выделяются четыре основные группы сосудов, различающиеся по форме и в некоторых случаях по технике нанесения и композиционному построению узоров (табл. 1). Диаметр устья сосудов варьирует в пределах от 12,0 до 36,0 см.

Группа I. Представлена слабопрофилированными сосудами со слегка вогнутой (дуговидной, «молчановской») шейкой (рис. 4, *1–7*). Срез венчика округлый или уплощенный, в некоторых случаях скошенный внутрь, у части изделий орнаментирован насечками. В коллекции насчитывается 19 таких сосудов, при статистической обработке учтены шейки 17 изделий. Сосуды орнаментированы гладким штампом в технике штампования, реже — вдавления. Основным элементом узора выступают наклонные оттиски. Единично представлены сетка, вертикальный зигзаг (многорядная елочка) и ряды подковообразных вдавлений (рис. 4, *5*), нанесенные, возможно, естественным орнаментиром. На одном из сосудов зафиксирован узор, составленный из ямочных вдавлений (рис. 4, *7*). На большинстве изделий отмечены ряды ямок и/или «жемчужин». Во всех случаях «жемчужины» располагаются на шейке изделий и лишь на одном из сосудов — на тулове, в то время как ямки чаще фиксируются в переходной зоне от шейки к плечику. Нередко ряды ямок или «жемчужин» выступают единственным элементом декора (35,4 % сосудов), а один сосуд совсем не имеет орнамента.

Группа II. Изделия закрытой формы, так называемые банки (рис. 4, *8–14*). Срез венчика округлый или уплощенный, в ряде случаев скошенный внутрь или наружу, единично — приострен, у половины сосудов орнаментирован насечками. В коллекции насчитывается 63 сосуда, при статистической обработке учтено 34 изделия. Орнамент, нанесенный в верхней части сосудов, представлен в основном рядами наклонных оттисков гладкого, единично — гребенчатого штампа, редко — горизонтальной елочкой и вертикальным зигзагом (многорядная елочка). На значительной части изделий нанесены ряды ямочных вдавлений, реже — ряды «жемчужин». Чередование ямок и «жемчужин» зафиксировано единично. Пояски ямок или «жемчужин» зачастую представляют единственный элемент узора (35,3 % сосудов данной группы).

Группа III. В керамической коллекции городища представлена хорошо профилированными сосудами. По особенностям оформления верхней части сосудов данная группа может быть разделена на две основные подгруппы — IIIа и IIIб.

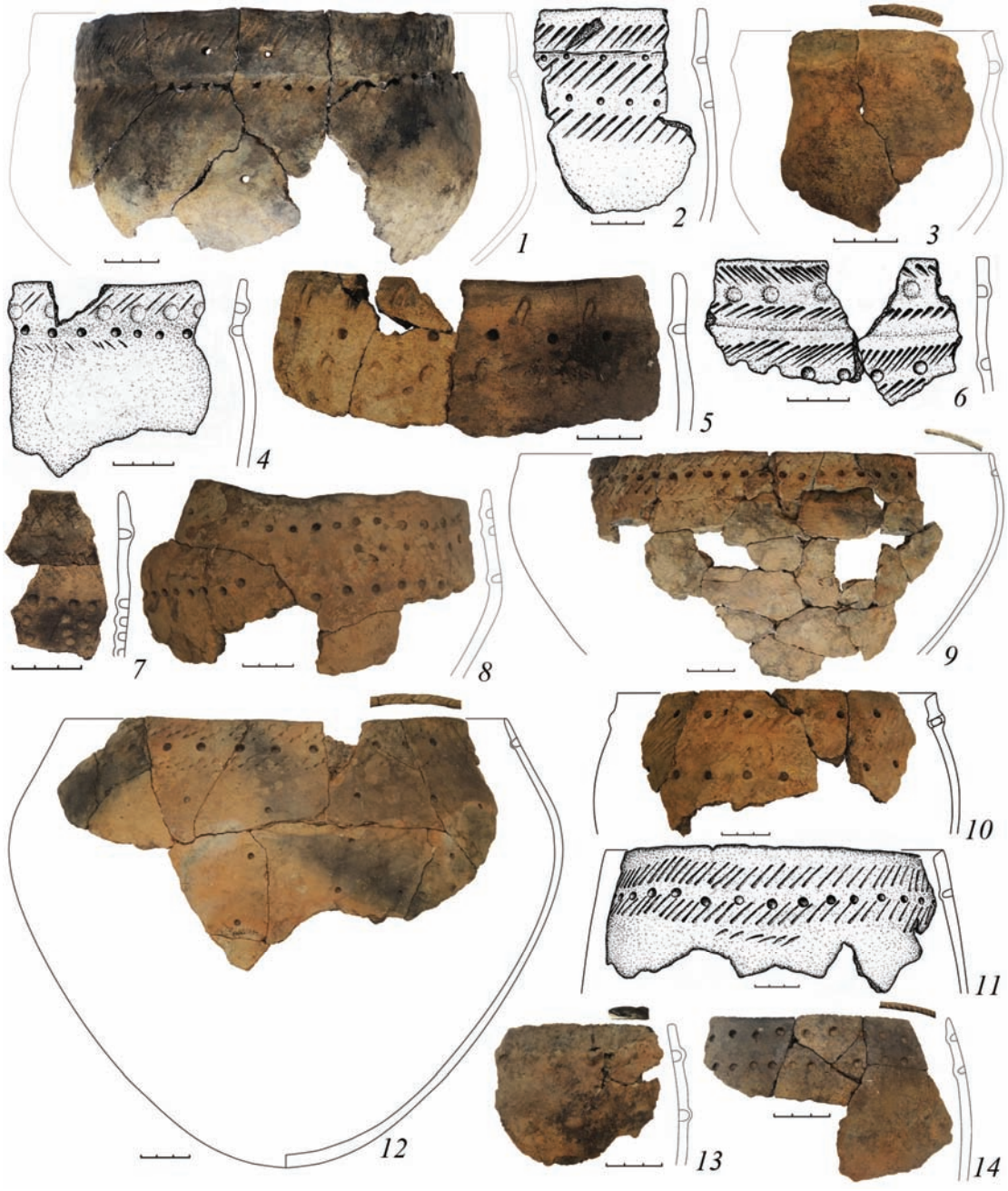

Рис. 4. Керамический комплекс укрепленного поселения Марай 4:
1–7 — сосуды с дуговидными шейками (группа I); *8–14* — сосуды закрытой формы (группа II).
Fig. 4. The ceramics complex of the settlement Maray 4:
1–7 — vessels with arcuate necks (group I); *8–14* — vessels of closed form (group II).

В *подгруппу IIIa* включены сосуды с отогнутой или прямой хорошо выраженной шейкой высотой до 2,5–3,0 см (в коллекции насчитывается 51 сосуд, для статистического анализа использованы шейки 41 изделия) (рис. 5, *1–8*). Срез венчика округлый или уплощенный, реже — приострен, зачастую орнаментирован оттисками гребенчатого штампа или насечками. Орнамент в основном наносился гребенчатым штампом, оттиски гладкого штампа редки. Среди элементов узора преобладают ряды наклонных или вертикальных оттисков (последними украшалась исключительно шейка изделий), горизонтальные линии из оттисков штампа, подчеркивающих переходную зону от шейки к плечику, горизонтальные зигзаги, наносившиеся на плечике. Велика доля «жемчужин», локализованных на шейке. Характерны и ямочные вдавления, которые чаще

всего располагались в переходной зоне от шейки к плечику и на плечике. Единично отмечено чередование ямок и «жемчужин».

Рис. 5. Керамический комплекс укрепленного поселения Марай 4:
1–8 — хорошо профилированные сосуды с отогнутыми или прямыми высокими шейками (группа IIIа);
10, 11 — хорошо профилированные сосуды с отогнутыми или прямыми короткими шейками (группа IIIб);
9, *12–14* — сосуды группы IV.

Fig. 5. The ceramics complex of the settlement Maray 4:
1–8 — well profiled vessels with deflected or straight high necks (group IIIa); *10, 11* — well profiled vessels with deflected or straight short necks (group IIIб); *9*, *12–14* — weakly profiled vessels (group IV).

Подгруппа IIIб объединяет изделия с короткой отогнутой или прямой шейкой (19 сосудов) (рис. 5, *10, 11*). Срез венчика округлый или уплощенный (иногда скошен наружу), зачастую — приострен, орнаментирован насечками у трети изделий. Орнаментация сосудов осуществлялась гребенчатым или гладким штампом. Половина изделий имеет орнамент только в виде ряда «жемчужин» или ямочных вдавлений. Ряд «жемчужин» локализован в основном на шейке, реже — в переходной зоне от шейки к плечику. Ряд ямочных вдавлений наносился чаще всего в переходной зоне от шейки к плечику, реже — на плечике, единично — на шейке. Среди других элементов орнамента преобладают ряды наклонных оттисков.

Группа IV. В данную группу вошли 20 изделий коллекции, которые объединяет слабая профилированность формы (рис. 5, *9*, *12–14*). Шейка у части изделий не выражена совсем. В целом сосуды данной группы занимают промежуточное положение между изделиями баночной и горшечной форм. Срез венчика округлый или уплощенный, единично — приострен, у большинства сосудов орнаментирован насечками. Орнамент, нанесенный на изделия гладким, реже — гребенчатым штампом, представлен рядами наклонных оттисков, вдавлениями краем штампа, а также ямочных вдавлений, расположенных в основном на шейке, редко — «жемчужин».

Отдельную группу гончарных изделий представляют неорнаментированные миниатюрные чашечки (12 экз.) (рис. 6, *2, 3*) и блюдца (2 экз.) (рис. 6, *1*). Миниатюрные изделия в основном круглодонные, три экземпляра имеют уплощенное дно. Диаметр горловины варьирует от 7,0 до 11,0 см, высота — от 2,0 до 5,0 см. Округлодонные блюдца представлены двумя фрагментами, орнаментированными с внутренней стороны оттисками гребенчатого штампа. Одно из блюд имело овальную форму. Аналогичное, но украшенное на внутренней поверхности рядами наколов изделие обнаружено на городище Ласточкино Гнездо 1 [Зах, 2009]. Блюда двух типов также найдены в богочановских памятниках Прииртышья, однако по форме существенно отличаются от приишимских экземпляров [Данченко, 1996, с. 67–68, 83, рис. 57].

В целом полученный при исследовании укрепленного поселения Марай 4 керамический комплекс своеобразен, сосуды находят аналогии как в журавлевских, так и в подобных баитовским коллекциях Приишимья. Невыразительная орнаментация, сглаженность «молчановского» профиля сосудов группы I обнаруживают сходство с материалами городища Ласточкино Гнездо 1 [Зах, 2009; Илюшина, Рафикова, 2018]. Сосуды закрытой формы также представлены в «классических» журавлевских коллекциях — на поселении Боровлянка 2 и городище Борки 1 [Панфилов и др., 1991; Илюшина, 2018], но чаще повторяют элементы и композиционное построение узора на группе сосудов с дуговидными шейками, а количество изделий, украшенных исключительно рядами ямочных вдавлений иногда в сочетании с «жемчужинами», незначительно. В то же время сосуды баночной формы со столь бедной орнаментацией зафиксированы на городище Ласточкино Гнездо 1, отмечены и в комплексах, подобных баитовским,— на поселении Озеро Ченчерь 6, городищах Лихачевское и Марай 5 [Волков, 2001; Рафикова, 2013; Цембалюк, Берлина, 2014].

Особый интерес представляют сосуды, включенные в группу III. Морфология некоторых изделий и орнаментация, выполненная гладким штампом, соответствует части изделий, происходящих из городищ Борки 1 и Ласточкино Гнездо 1 [Илюшина, 2018; Илюшина, Рафикова, 2018]. Часть сосудов, включенных в подгруппу IIIа, обнаруживает значительное сходство с керамикой баитовской культуры Притоболья, комплексах, подобных баитовским, в Приишимье, а некоторые экземпляры — идентичны [Волков, 2001; Рафикова, 2013].

Слабо профилированные изделия известны в журавлевских комплексах Приишимья, богочановских Прииртышья [Данченко, 1996]. Подобная форма изделий распространена и в подтаежной зоне Притоболья в комплексах вак-куровского этапа восточного варианта иткульской культуры, а также «лесных» баитовских [Зимина, Зах, 2009; Зимина, Цембалюк, 2012].

Инвентарный комплекс

Коллекция инвентаря, полученная в процессе работ на городище, невелика. Представлена 85 фрагментами не менее чем 78 скребковидных изделий на обломках сосудов (рис. 6, *13–16*), двумя целыми экземплярами и 11 фрагментами глиняных пряслиц (рис. 6, *4–6*), двумя изделиями из глины неясного назначения, 36 обломками камней как со следами использования, так и без таковых, в том числе фрагментов пряслица (рис. 6, *7*), выточенного из талькового сланца, и литейной формы (рис. 6, *8*)[1]. В единственном экземпляре найдено изделие из кости, предположительно проколка. Имеются в коллекции и бронзовые изделия — 3 фрагмента ножа и шильев, а также кельт.

Обломок *однолезвийного бронзового ножа*, подтреугольного в сечении, длиной 3,4 см, с шириной лезвия 0,07 см, с шириной спинки 0,2 см (рис. 6, *10*). Обломки *бронзовых шильев* — представлены 2 экз. Первый экземпляр четырехугольный в сечении, длиной 2,3 см, шириной 0,35–0,5 см, толщиной 0,2–0,3 см (рис. 6, *11*). Второй экземпляр также четырехугольный в сечении, имеет приостренный конец, длина фрагмента изделия 3,65 см, ширина 0,2–0,3 см (рис. 6, *12*).

[1] Детальный анализ керамического, каменного и костяного инвентаря представлен в работе Ю.В. Костомаровой «Производственная деятельность населения начала раннего железного века укрепленного поселения Марай 4 в Нижнем Приишимье (экспериментально-трасологический анализ)» в настоящем номере журнала.

Таблица 1

Особенности орнаментации на сосудах городища Марай 4

Table 1

Features of ornamentation on vessels of the settlement Maray 4

Особенности формы венчика и орнаментации сосудов		Группа I (17 экз.)	Группа II (34 экз.)	Группа IIIа (41 экз.)	Группа IIIб (19 экз.)	Группа IV (20 экз.)	*Всего* (131 сосуд)
Форма среза венчика	Округлый	10/58,8	18/53	18/44	7/36,8	11/55	64/48,8
	Уплощенный	4/23,5	8/23,5	17/41,4	4/21	8/40	41/31,3
	Приостренный	—	1/3	6/14,6	6/31,6	1/5	14/10,7
	Уплощенный, скошенный наружу	—	4/11,7	—	2/10,5	—	6/4,6
	Уплощенный, скошенный внутрь	3/17,6	3/8,8	—	—	—	6/4,6
Орнамен-тир	Гладкий штамп	10/58,8	20/58,8	7/17,1	5/26,3	9/45	51/39
	Гребенчатый штамп	—	2/5,9	31/75,6	5/26,3	4/20	42/32,1
	Естественный орнаментир	—	1/3	—	1/5,2	1/5	3/2,3
	Орнаментир с неясным рабочим краем	1/5,8	—	1/2,4	—	–	2/1,5
Техника нанесения	Штампование	10/58,8	17/50	37/90,2	9/47,3	7/35	80/61
	Вдавление	2/11,7	5/14,7	1/2,4	1/5,2	6/30	15/11,5
	Ямки	12/70,6	28/82,3	24/58,5	8/42,1	15/75	87/66,4
	«Жемчужины»	7/41,2	6/17,6	23/56,1	12/63,1	4/20	52/39,7
	Чередование «жемчужина»-ямка	—	1/2,9	1/2,6	—	—	2/1,5
Элементы орнамента	Без орнамента	1/5,8	—	—	—	—	1/0,7
	«Жемчужины» на шейке или в верхней части сосуда	7/41,2	6/17,6	23/56,1	9/47,3	4/20	49/37,4
	«Жемчужины» в переходной зоне от шейки к плечику	—	—	—	3/16,6	—	3/2,3
	«Жемчужины» на плечике/тулове	—	1/2,9	—	—	—	1/0,7
	Ямки на шейке, в верхней части на баночных изделиях	3/17,6	27/79,4	3/7,3	1/5,2	15/75	49/37,4
	Ямки в переходной зоне от шейки к плечику	9/53	—	14/34,1	5/26,3	—	28/21,4
	Ямки на плечике/ тулове	2/11,7	4/11,7	9/21,9	4/21	2/10	21/16
	Елочка горизонтальная (гладкий штамп)	—	2/5,9	—	—	1/5	3/2,3
	Елочка горизонтальная (гребенчатый штамп)	—	—	4/9,7	1/5,2	1/5	6/4,6
	Ряд наклонных оттисков гладкого штампа	8/47	11/32,3	6/14,6	3/15,8	4/20	32/24,4
	Ряд наклонных оттисков гребенчатого штампа	—	3/8,8	22/53,6	3/15,8	2/10	30/23
	Ряд вертикальных оттисков гладкого штампа	—	—	—	1/5,2	—	1/0,7
	Ряд вертикальных оттисков гребенчатого штампа	—	—	17/41,5	1/5,2	—	18/13,7
	Вертикальный зигзаг (гладкий штамп)	1/5,8	1/3	—	—	—	2/1,5
	Вертикальный зигзаг (гребенчатый штамп)	—	—	2/4,9	1/5,2	—	3/2,3
	Горизонтальные линии из оттисков гладкого штампа	—	—	1/2,6	—	—	1/0,7
	Горизонтальные линии из оттисков гребенчатого штампа	—	—	22/53,6	1/5,2	—	23/17,5
	Горизонтальный зигзаг (гребенчатый штамп)	—	—	10/24,4	—	—	10/7,6
	Вдавления краем гладкого штампа	—	2/5,9	—	1/5,2	4/20	7/5,3
	Уголковые вдавления	—	1/3	1/2,6	—	2/10	4/3,1
	Сетка (гладкий штамп)	1/5,8	1/3	—	—	—	2/1,5
	Подковообразные вдавления	1/5,8	—	—	—	—	1/0,7
	Композиция из ямочных вдавлений	1/5,8	—	—	—	—	1/0,7
	Насечки на срезе венчика	5/ 29,4	18/53	9/22	6/31,6	16/80	54/41,2
	Оттиски гребенки на срезе венчика	—	—	8/19,5	—	—	8/6,1

Рис. 6. Инвентарь укрепленного поселения Марай 4:
1 — фрагмент глиняного блюда; *2, 3* — миниатюрные чашечки; *4–6* — глиняные пряслица; *7* — пряслице из талькового сланца; *8* — фрагмент каменной литейной формы; *9* — бронзовый кельт; *10* — обломок бронзового ножа; *11, 12* — фрагменты бронзовых шильев; *13–16* — скребковидные изделия на обломках керамики.
Fig. 6. Equipment from the settlement Maray 4:
1 — a fragment of the clay dish; *2, 3* — miniature cups; *4–6* — clay spindle whorl; *7* — spindle whorl of talc shale; *8* — a fragment of a stone mold; *9* — the bronze celt; *10* — a fragment of a bronze knife; *11, 12* — fragments of bronze awls; *13–16* — scrapers on fragments of ceramics.

Бронзовый кельт — представлен целым экземпляром (рис. 6, *9*). Его длина составляет 7,4 см, ширина в лезвийной части 6,2 см. Размер устья по длинной оси 6,3 см, по короткой — 3,6 см. Глубина втулки 6 см, внутри имеется перегородка. Изделие имеет прямоугольную в плане форму, овальное сечение по устью втулки и линзовидное по тулову, клиновидный профиль. Лезвие дуговидной формы, один край сточен больше другого, что характерно для рубящего орудия — топора. Кельт орнаментирован, элементы декора были вырезаны на литейной форме. Втулка оформлена в виде достаточно широкого горизонтального валика (высота 0,6–0,9 см). От него вниз спускается 14 (по 7 с каждой стороны кельта) вертикальных узких валиков шириной 0,3 см. Длина их различна,

у боковых граней кельта — 3,4 см, ближе к центру фаски — 2,8 см. На каждой из лицевой сторон кельта имеется по сквозному отверстию, их форма с внутренней стороны отличается от наружной. Внутри они прямоугольные, снаружи одно из отверстий также прямоугольное, но меньшего размера, второе имеет округлую форму и очень маленький диаметр — 0,3 см.

Аналогичные изделия известны в материалах баитовской, воробьевской, богочановской, саргатской, гороховской культур [Матвеева, 1989, с. 94; 1993; 1994, рис. 1, *2, 3*; Могильников, 1992, с. 279; Цембалюк, Берлина, 2014, с. 63, рис. 3, *10*]. Фрагмент такого кельта обнаружен на поселении Боровлянка 2 и, по всей видимости, относится ко времени пребывания здесь носителей журавлевских традиций [Панфилов и др., 1991]. Данный тип кельтов связан с иткульским очагом металлургии на Урале, где обнаружены формы для их отливки [Бельтикова, 1993, с. 46, 48, рис. 3, *1*]. Один из кельтов, найденный на городище Шатанов 1, считается иткульско-гамаюнским, датируется V–IV вв. до н.э. [Наумов, 2016, рис. 86, *10*]. В целом такие изделия имеют широкие хронологические рамки бытования, с конца эпохи бронзы и до начала раннего железного века (конец IX — III в. до н.э.). В Тоболо-Ишимском междуречье, судя по контексту обнаруженных экземпляров, подобные кельты были распространены в VII–IV вв. до н.э.

В целом анализ инвентаря позволяет говорить, что группа населения, проживавшая на укрепленном поселении Марай 4, занималась традиционными для начального этапа раннего железного века Тоболо-Иртышского междуречья видами домашних производств — прядением, обработкой шкур, дерева, изготовлением посуды, а также бронзолитейным производством.

Палеозоологическая коллекция

Коллекция костных остатков укрепленного поселения Марай 4 насчитывает 208 экз. Определение их таксономической принадлежности производилось с помощью атласов [Громова, 1950] и эталонной коллекции музея ИЭРиЖ УрО РАН. Всего до вида или рода определено 87 костей, что составляет 42 % всех костных остатков. Определено пять таксонов млекопитающих (мелкий рогатый скот не разделялся на овцу и козу в силу плохой сохранности костей) (табл. 2).

Таблица 2

Видовой состав и количество костных остатков из городища Марай 4

Table 2

The species composition of bone remains from the settlement Maray 4

	Количество	%
Крупный рогатый скот — *Bos taurus*	31	36
Мелкий рогатый скот — *Capra* et *Ovis*	1	1
Лошадь — *Equus caballus*	34	39
Собака — *Canis familiaris*	2	2
Лось — *Alces alces*	19	22
Определимые	87	100
Неопределимые	121	—
Всего	208	—

Примечание. Остеологическая коллекция поселения Марай 4 хранится в музее ИЭРиЖ УрО РАН РАН под № 2808.

Подавляющую долю (97 %) составляют костные остатки трех видов копытных млекопитающих — лошади, крупного рогатого скота и лося. Все костные остатки, за исключением единичных зубов и мелких костей конечностей, представлены фрагментами. Подобная сохранность характерна для кухонных отбросов. Все кости и зубы крупного рогатого скота принадлежат взрослым особям. Из 22 зубов лошади лишь 4 (18 %) принадлежат молодым особям. Костные остатки мелкого рогатого скота представлены фрагментом бедренной кости взрослой особи.

Собаке принадлежат фрагмент нижней челюсти и затылочная часть черепа (кость обгорела). Костные остатки лося представлены фрагментами костей и рога, зубами.

Хотя фаунистическая коллекция весьма незначительна, все же можно предположить, что основу хозяйственной деятельности жителей поселка составляло скотоводство. Судя по всему, разводили в основном крупный рогатый скот и лошадей. Возрастной анализ домашнего скота указывает на мясомолочную направленность животноводческого хозяйства. Присваивающие отрасли экономики коллектива представлены охотой. Из промысловых видов животных определен только лось.

Видовой состав изученных костных остатков обнаруживает сходство с материалами журавлевского городища Борки 1, различия проявляются в более низком проценте доли костей КРС и, напротив, высоком — костей лошади, а также в более бедном составе диких млекопитающих на укрепленном поселении Марай 4 [Рябогина и др., 2015]. В целом же сравнение полученных данных с известными на сегодняшний день определениями палеозоологической коллекции городища Марай 1 [Цембалюк, 2015, с. 51–52] показывает традиционный для периода раннего железного века хозяйственный уклад у населения, оставившего исследованный нами памятник.

Результаты радиоуглеродного датирования

С целью абсолютной датировки времени функционирования укрепленного поселения Марай 4 были отобраны образцы древесного угля из заполнения сооружения 1, ямы № 13, соотнесенной с сооружением № 2, а также из углистой прослойки на валу. В результате получено шесть радиоуглеродных дат (табл. 3, рис. 7). Анализы образцов проводились в лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (г. Санкт-Петербург).

Таблица 3

Радиоуглеродные даты укрепленного поселения Марай 4

Table 3

Radiocarbon dates of the settlement Maray 4

№	Квадрат, глубина от поверхности (см), материал, объект	Индекс образца	Абсолютная дата, л.н.	Калиброванная дата	
				±1σ (68,2 %)	±2σ (95,4 %)
1	Кв. Д/4, заполнение вала, глубина от поверхности — 30–35 см (2-й усл. гор.), древесный уголь	Ле-11800	2380±60	730–690 BC 540–390 BC	760–680 BC 670–370 BC
2	Кв. Г/15, заполнение сооружения № 1, глубина от поверхности — 35–37 см (3-й усл. гор.), древесный уголь	Ле-11801	2480±25	760–720 BC 700–680 BC 670–530 BC	770–500 BC 440–410 BC
3	Кв. З/16, заполнение сооружения № 1, глубина от поверхности — 50–55 см (4-й усл. гор.), древесный уголь	Ле-11802	2495±40	770 –720 BC 700–540 BC	790–480 BC 470–410 BC
4	Кв. Г/16, заполнение сооружения № 1, глубина от поверхности — 35 см (3-й усл. гор.), древесный уголь	Ле-11803	2420±25	520–400 BC	740–680 BC 670–640 BC 550–400 BC
5	Кв. Г/11, заполнение сооружения № 1, глубина от поверхности — 35 см (3-й усл. гор.), древесный уголь	Ле-11804	2300±70	420–340 BC 320–200 BC	750–650 BC 550–150 BC
6	Кв. О/13, заполнение ямы, сооружение № 2, глубина от поверхности — 70–80 см, древесный уголь	Ле-11805	3270±50	1620–1490 BC	1670–1430 BC

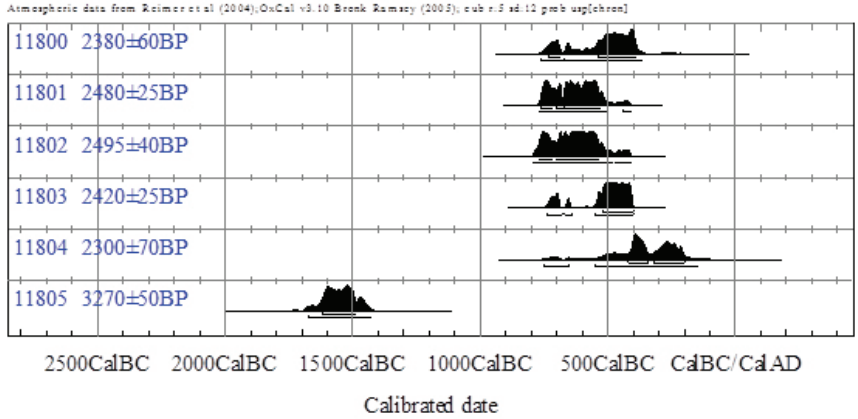

Рис. 7. Калибровка дат, полученных с укрепленного поселения Марай 4 (выполнена в программе OxCal 3.10).
Fig. 7. Calibration of dates obtained from the settlement Maray 4 (executed in the program OxCal 3.10).

Одну из полученных дат (Ле-11805) интерпретировать сложно. Данный образец был отобран из заполнения ямы, предположительно связанной с конструкцией сооружения № 2. Дата указыва-

ет на XVII–XV вв. до н.э. Этот хронологический отрезок соотносится со временем существования на территории лесостепной зоны Западной Сибири носителей федоровской культуры, однако на площади раскопа не обнаружено ни одного фрагмента керамики эпохи поздней бронзы.

Остальные пять из полученных образцов с учетом калибровки укладываются в VIII — середину II в. до н.э. Опираясь на данные относительного и абсолютного датирования, наиболее вероятным периодом существования укрепленного поселения Марай 4 считаем VII–V вв. до н.э.

Обсуждение результатов

В итоге исследований на укрепленном поселении Марай 4 получены данные о традициях домостроительства, об экономической деятельности, особенностях керамического комплекса группы населения, оставившей поселок. В результате радиоуглеродного датирования выявлена хронологическая позиция памятника, соответствующая периоду между существованием красноозерской культуры переходного от эпохи бронзы к железу времени и, вероятно, его заключительной фазой, представленной материалами журавлевского типа и древностями, подобными баитовским, начала раннего железного века в лесостепном Приишимье. Своеобразие полученного на городище Марай 4 комплекса, особенно ярко проявившееся в керамической коллекции, определяется сочетанием черт уходящей и наступающей эпох, в связи с чем затруднительна и достаточно четкая культурная атрибуция его материалов.

Традиция организации жилого пространства в виде слабо укрепленного поселка с жилыми сооружениями наземного типа каркасно-столбовой конструкции без котлована появляется в Притоболье у населения восточного варианта иткульской культуры второго типа, фиксируется на раннем этапе баитовской культуры [Зимина, Зах, 2009; Цембалюк, 2010]. В Приишимье наземные жилища без котлована отмечаются у носителей красноозерских традиций [Зах, Зимина, 2014], хотя на поселениях, оставленных этими коллективами, изучены в основном углубленные в материк сооружения полуземляночного типа [Цембалюк, 2015; Матвеев, Горелов, 1993; и др.]. Известно на данной территории и городище этого периода — Ефимово 1 [Матвеев, Горелов, 1993]. Более широкое распространение в Приишимье сходные с притобольскими «городища», по всей видимости, получают несколько позднее, в VII–VI вв. до н.э. и связаны с формированием журавлевских традиций (городища Борки 1, Ласточкино Гнездо 1), а также комплексов, подобных полученным на Лихачевском городище и представленному в настоящем исследовании.

Хозяйственно-производственная деятельность коллектива, проживавшего на поселении, реконструируемая по результатам анализа фаунистических остатков и инвентаря, в целом соответствует традициям завершающего этапа переходного периода — начала раннего железного века в Тоболо-Ишимском междуречье [Зимина, Зах, 2009; Зах, 2009; Костомарова, 2018; Цембалюк, 2015].

Основная масса сосудов по морфологическим особенностям соотносима с известными в Приишимье журавлевскими древностями (городище Борки 1, поселение Боровлянка 2) и в большей степени с коллекцией городища Ласточкино Гнездо 1. В то же время выделяется группа хорошо профилированных изделий, в большинстве случаев орнаментированных гребенчатым штампом, что не характерно для журавлевской традиции. По форме и композиционному построению орнамента эти сосуды аналогичны баитовским с памятников Притоболья, керамическим комплексам поселения Озеро Ченчерь 6, городищ Марай 1, 5 и ряда других памятников Приишимья, культурная принадлежность которых до сих пор четко не определена. Опираясь на анализ морфологических признаков гончарных изделий, происходящих с перечисленных приишимских памятников, можно высказать следующие предположения.

По представлениям В.В. Илюшиной, материалы памятника отражают взаимодействие местных групп населения, которые на данном уровне исследования могут быть атрибутированы как «позднежуравлевские», и пришлых с территории Притоболья баитовских коллективов. По всей вероятности, местное население впоследствии было ассимилировано мигрантами. По-иному интерпретирует комплекс Марая 4 В.А. Зах, считая его отражающим развитие журавлевских традиций на территории лесостепного Приишимья. По его мнению, говорить о баитовских мигрантах и последующем растворении «позднежуравлевского» населения в их составе нет оснований. Лесостепное Приишимье является западной границей ареала красноозерского культурного массива (поселения Боровлянка 2, Борки 1, Ефимово 1, Мергень 2, 6, Марай 1), послужившего субстратом для журавлевских комплексов. «Баитовцы» продолжают бархатовскую и впоследствии — восточную иткульскую линию развития. Хронологически же рассматриваемые и другие подобные комплексы в лесостепи Западной Сибири близки. Что касается подробного

анализа позиции комплексов Марая 4 в контексте развития журавлевских и красноозерских материалов, то это тема отдельной работы.

Так или иначе, вне зависимости от отсутствия единства в интерпретации полученных материалов, результаты исследования городища Марай 4 существенно дополняют и обогащают представления о культурно-исторических процессах, происходящих на начальном этапе раннего железного века на территории лесостепного Приишимья.

Финансирование. Работа выполнена по госзаданию — проект № АААА-А17-117050400147-2. Исследование костных остатков выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-04-00982а.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архивные источники

Рафикова Т.Н. Отчет об археологических раскопках городища Марай 5 в Казанском районе Тюменской области в 2012 году. Тюмень, 2016 // Архив ТюмНЦ СО РАН.

Скочина С.Н. Отчет о НИР: Археологическая разведка в Казанском и Пуровском районах Тюменской области в 2014 году. Тюмень, 2016 // Архив ТюмНЦ СО РАН.

Цембалюк С.И. Отчет о НИР: Продолжение охранных исследований поселения Марай 1 в Казанском районе Тюменской области. Тюмень, 2014 // Архив ТюмНЦ СО РАН.

Литература

Адаев В.Н., *Зимина О.Ю.* Каркасно-столбовые жилища наземного типа в Западной Сибири: Археолого-этнографические параллели // Археология, этнография и антропология Евразии. 2016. № 3. Т. 44. С. 63–71.

Бельтикова Г.В. Развитие иткульского очага металлургии // ВАУ. 1993. Вып. 21. С. 93–106.

Берлина С.В. Жилая и оборонительная архитектура населения Западносибирской лесостепи в раннем железном веке (по материалам саргатской культуры): Дис. … канд. ист. наук. Тюмень, 2010. С. 402.

Волков Е.Н. Археологические исследования в Казанском районе Тюменской области в 1998–1999 гг. // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2001. Вып. 3. С. 226–231.

Громова В.И. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета (по крупным трубчатым костям). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 240 с.

Данченко Е.М. Южнотаежное Прииртышье в середине — второй половине I тыс. до н.э. Омск: Изд-во ОмГПУ, 1996. 212 с.

Еньшин Д.Н. Неолитические жилища поселений озера Мергень // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 14–23.

Зах В.А. Городище Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. № 11. С. 67–80. URL: http://www.ipdn.ru/_private/a11/67-80.pdf.

Зах В.А., *Зимина О.Ю.* Ранний комплекс красноозерской культуры поселения Мергень 2 в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 4 (27). С. 49–60. URL: http://www.ipdn.ru/_private/a27/47-57.pdf.

Зах В.А., *Илюшина В.В.*, *Тигеева Е.В.*, *Еньшин Д.Н.*, *Костомаров В.М.* Закрытый журавлевский комплекс городища Борки 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 2 (29). С. 4–14. URL: http://www.ipdn.ru/_private/a29/4-14.pdf.

Зимина О.Ю., *Зах В.А.* Нижнее Притоболье на рубеже бронзового и железного веков. Новосибирск: Наука, 2009. 232 с.

Зимина О.Ю., Цембалюк С.И. Памятники баитовской культуры подтаежной зоны Притоболья // AB ORIGINE. 2012. Вып. 4. С. 22–37.

Зиняков Н.М., *Цембалюк С.И.* Металлографическое исследование железных изделий городища Марай 1 // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 1 (44). С. 41–52. DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-015-024.

Илюшина В.В. Журавлевский керамический комплекс раннего этапа эпохи железа городища Борки 1 (по результатам работ 2013–2014 гг.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 3 (42). С. 41–52. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-041-052.

Илюшина В.В., *Рафикова Т.Н.* Комплекс раннего этапа эпохи железа городища Ласточкино Гнездо 1 в Нижнем Приишимье // Вестник археологии антропологии и этнографии. 2018. № 4 (43). С. 61–73. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-061-073.

Корякова Л.Н. Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири: (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). Препринт. Екатеринбург: Изд-во УрО АН; УрГУ, 1991. 53 с.

Костомарова Ю.В. Инвентарный комплекс журавлевского населения Нижнего Приишимья (по материалам исследований 2012–2013 гг. городища Борки 1) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2018. № 4. С. 51–60. DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-051-060.

Матвеев А.В, Аношко О.М. Зауралье после андроновцев: Бархатовская культура. Тюмень: Тюменский дом печати, 2009. 416 с.

Матвеев А.В., Горелов В.В. Городище Ефимово 1. Препринт. Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1993. 76 с.

Матвеева Н.П. Начальный этап раннего железного века в Тоболо-Ишимской лесостепи // Западносибирская лесостепь на рубеже бронзового и железного веков. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 1989. С. 77–102.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на Среднем Тоболе. Новосибирск: Наука, 1993. 175 с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. Новосибирск: Наука, 1994. 152 с.

Матвеева Н.П., *Ларина Н.С.*, *Берлина С.В.*, *Чикунова И.Ю.* Комплексное изучение условий жизни древнего населения Западной Сибири: (Проблемы социокультурной адаптации в раннем железном веке). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. 228 с.

Могильников В.А. Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1992. С. 274–312.

Наумов А.М. Фортификация и планиграфия Иртяшских городищ иткульской культуры // Археология Южного Урала. Лес, лесостепь (Проблемы культурогенеза). Челябинск: Рифей, 2016. С. 184–314. URL: https://ipae.uran.ru/sites/default/files/publications/ipae/1219_2016_ArheologiyaYuUrala.pdf.

Никитин В.В. Эволюция жилищ эпох камня и раннего металла в Марийском Поволжье // Твер. археол. сборник: Материалы 6-го и 7-го заседания научного семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Тверь. 2002. С. 363–369.

Панфилов А.Н., *Зах Е.М.*, *Зах В.А.* Боровлянка 2 — памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991. С. 25–50.

Рябогина Н.Е., *Иванов С.И.*, *Афонин А.С.*, *Кисагулов А.В.* Палеоботанические и археозоологические исследования на городище Борки 1: (Приишимье в начале I тыс. до н.э.) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 157–164. URL: http://www.ipdn.ru/_private/a31/157-164.pdf.

Соколова З.П. К вопросу о развитии обско-угорской землянки // Ежегодник ТОКМ-1959. Тюмень, 1960. Вып. 1. С. 9–26.

Стоянов В.Е. Классификация и периодизация западносибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во ТГУ, 1970. С. 238–254.

Цембалюк С.И. О хронологической дифференциации древностей баитовской культуры начала раннего железного века Зауралья // III Сев. археол. конгресс: Тез. докл. 8–13 ноября 2010. Ханты-Мансийск; Екатеринбург: ИздатНаукаСевер, 2010. С. 155–156.

Цембалюк С.И. Хозяйство и быт населения красноозерской культуры (по материалам поселения Марай 1 в Нижнем Приишимье) // РА. 2015. № 3. С. 43–54.

Цембалюк С.И. Начало раннего железного века в Приишимье // V (XXI) Всерос. археол. съезд. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2017. С. 1107.

Цембалюк С.И., *Берлина С.В.* Комплекс раннего железного века городища Лихачевское в Приишимье // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 3 (26). С. 55–65. URL: http://www.ipdn.ru/_private/a26/55-65.pdf.

V.V. Ilyushina *, V.A. Zach *, D.N. Enshin *, E.V. Tigeeva *, A.V. Kisagulov **

* Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch RAS
Malygina st., 86, Tyumen, 625003, Russian Federation
E-mail: vika_tika@mail.ru; viczakh@mail.ru;
dimetrius666_72@mail.ru; flena84@mail.ru
** Institute of Plant and Animal Ecology of Ural Branch RAS
March 8 st., 202, Ekaterinburg, 620144, Russian Federation
E-mail: akis9119@gmail.com

THE COMPLEX OF THE MARAY 4 FORTIFIED SETTLEMENT IN THE FOREST-STEPPE OF ISHIM AREA (BEGINNING OF THE EARLY IRON AGE)

The article introduces new materials from the Maray 4 fortified settlement (beginning of the Early Iron Age) into scientific circulation. This settlement, located in the forest-steppe of the Ishim area (south-west of Western Siberia), had a ring defence system including a shallow ditch and a rampart. The planigraphic and stratigraphic analyses of a 327 m^2 excavation area revealed the remnants of three structures: two above-ground structures and one structure slightly dug into in the mainland. The remnants of the burnt above-ground dwelling provided the basis for reconstructing its appearance, which is in good agreement with the ethnographic analogues of such structures. The collection includes approximately 172 vessels; clay, stone and bronze tools; as well as osteological material (208 specimens of animal bones). These materials were analysed using comparative-typological and statistical methods. Six radiocarbon dates of charcoal found in the occupation layer in residential and defensive

structures helped establish the chronology of the complex — 7th–5th centuries BC. The reconstructed dwelling had a post-frame construction with vertically installed posts connected by beams at the top. The space between the beams was filled with half-logs, poles or planks. The roof and walls were additionally insulated with a layer of bark (including birch bark), grass and soil, which was obtained from pits surrounding the structure. The total area of the house was approximately 30 m^2, which was enough to accommodate up to eight people (at a rate of 4 m^2 per person). The study of the defensive works revealed a discontinuous shallow ditch from which the soil for the structure located on a small rampart must have been taken. In form and ornamentation, the ceramic collection comprising four main morphological groups of vessels bears resemblance to the Zhuravlevo traditions and ceramics similar to that of the Baitovo culture of the Early Iron Age. Judging by the age and species composition of the paleozoological materials, cattle breeding dominated the economic activity of the inhabitants, with hunting playing a minor role. In terms of household productions, the population engaged in spinning, processing of hides and wood, ware making, as well as bronze casting. The authors expressed two points of view on the cultural affiliation of the materials from the fortified settlement in question. According to one of them, the obtained material indicates the interaction of the local late-Zhuravlevo group and the newly-arrived groups of Baitovo culture from the Tobol area. According to the other, the complex of the Maray 4 settlement is considered to have carried on Zhuravlevo traditions, which resulted in the Early Iron Age complexes (different from the Baitovo complexes of the Tobol area) forming in the forest-steppe of the Ishim area.

Key words: forest steppe Ishim basin, the settlement Maray 4, the Early Iron Age, ceramics, production activity, economy, radiocarbon dating.

DOI: 10.20874/2071-0437-2019-46-3-029-047

Funding. The article has been written within the State Project No. AAAA-A17-117050400147-2. The study of archaeological collections was conducted under the Russian Foundation for Basic Research project No. 18-04-00982a.

REFERENCES

Adaev V.N., Zimina O.Iu. (2016). Above-Ground Frame Buildings in Western Siberia: Archaeological and Ethnographic Parallels. *Arkheologiia, etnografiia i antropologiia Evrazii*, 44(3), 63–71. (Rus.).

Bel'tikova G.V. (1993). Development of the Itkul center of metallurgy. *Voprosy arkheologii Urala*, (21), 93–106. (Rus.).

Danchenko E.M. (1996). *South forest Irtysh basin in the middle — the second half of the 1st millennium BC*. Omsk: Izdatelstvo OmGPU. (Rus.).

En'shin D.N. (2014) Neolithic dwellings of the settlements of Lake Mergen. *Vestnik arheologii antropologii i etnografii*, (1), 14–23. (Rus.). Retrieved from: http://www.ipdn.ru/_private/a24/14-23.pdf.

Gromova V.I. (1950). *The determinant of mammals of the USSR by the bones of the skeleton (by large tubular bones)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR. (Rus.).

Iliushina V.V. (2018). Zhuravlevo ceramics assemblage of the early Iron Age from the Borki 1 settlement (according to the 2013–2014 study). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografi*i, (3), 41–52. (Rus.). DOI: 10.20874/2071-0437-2018-42-3-041-052.

Iliushina V.V., Rafikova T.N. (2018). Early Iron Age complex of the Lastochkino Gnezdo 1 settlement in the Lower Ishim river basin. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografi*i, (4), 61–73. (Rus.). DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-061-073.

Koriakova L.N. (1991). *Cultural and historical communities of the Urals and Western Siberia (Tobol-Irtysh Province at the beginning of the Iron Age)*. Preprint. Ekaterinburg: Izdatelstvo UrO AN; Ural'skogo universiteta. (Rus.).

Kostomarova Iu.V. (2018). Inventory complex of the Zhuravlevo culture in the Lower Ishim river areas (based on the 2012–14 research at the Borki 1 site). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografi*i, (4), 51–60. (Rus.). DOI: 10.20874/2071-0437-2018-43-4-051-060.

Matveev A.V, Anoshko O.M. (2009). *Trans-Urals after Andronovo people: Barkhatovo culture*. Tiumen': Tiumenskii dom pechati. (Rus.).

Matveev A.V., Gorelov V.V. (1993). *The hillfort Efimovo 1*. Preprint. Tiumen': Izdatel'stvo IPOS SO RAN. (Rus.).

Matveeva N.P. (1989). The initial stage of the Early Iron Age in the forest steppe Tobol and Ishim basin. In: *Zapadnosibirskaia lesostep' na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov* (pp. 77–102). Tiumen': Izdatel'stvo Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).

Matveeva N.P. (1993). *The Sargatka culture in the Middle Tobol river basin*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Matveeva N.P. (1994). *The Early Iron Age in the Ishim river basin*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Matveeva N.P., Larina N.S., Berlina S.V., Chikunova I.Iu. (2005). Comprehensive study of the living conditions of the ancient population of Western Siberia: (Problems of sociocultural adaptation in the Early Iron Age). Novosibirsk: Izdatel'stvo SO RAN. (Rus.).

Mogil'nikov V.A. (1992). Forest steppe of Trans-Ural and Western Siberia. In: B.A. Rybakov (Ed.). *Stepnaia polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremia* (pp. 274–312). Moscow: Nauka. (Rus.).

Naumov A.M. (2016). Fortification and planigraphy of Irtyash fortified settlements of an Itkul culture. In: S.G. Botalov, A.D. Tairov, N.A. Berseneva, N.O. Ivanova (Eds.). *Arkheologiia Iuzhnogo Urala. Les, lesostep': (Problemy*

kul'turogeneza) (pp. 184–314). Cheliabinsk: Rifei. (Rus.). Retrieved from: https://ipae.uran.ru/sites/default/files/publications/ipae/1219_2016_ArheologiyaYuUrala.pdf.

Nikitin V.V. (2002). Evolution of Houses of the Stone and Early Metal Epochs in the Mari Volga Basin. In: I.N. Chernykh (Ed.). *Tverskoi arkheologicheskii sbornik: Materialy 6-go i 7-go zasedaniia nauchnogo seminara «Tverskaia zemlia i sopredel'nye territorii v drevnosti»* (pp. 363– 369). Tver'. (Rus.).

Panfilov A.N., Zakh E.M., Zakh V.A. (1991). Borovlyanka 2 — Neolithic site and the transition time from Bronze to Iron in Lower Ishim basin. In: N.P. Matveeva (Ed.). *Istochniki etnokul'turnoi istorii Zapadnoi Sibiri* (pp. 25–50). Tiumen'. (Rus.).

Riabogina N.E., Ivanov S.I., Afonin A.S., Kisagulov A.V. (2015). Palaeobotanical and archaeozoological research at the ancient settlement of Borki 1 (Ishim river basin at the beginning of the I Millennium BC). *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 157–164. (Rus.). Retrieved from: http://www.ipdn.ru/_private/a31/157-164.pdf.

Sokolova Z.P. (1960). To the question of development of the Ob-Ugrian dugout. In: P.I. Roshchevskii (Ed.). *Ezhegodnik TOKM-1959* (pp. 9–26). Tiumen'. (Rus.).

Stoianov V.E. (1970). Classification and periodization of sites of forest steppe West Siberian of the Early Iron Age. In: V.I. Matiushchenko (Ed.). *Problemy khronologii i kul'turnoi prinadlezhnosti arkheologicheskikh pamiatnikov Zapadnoi Sibiri* (pp. 238–254). Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta. (Rus.).

Tsembaliuk S.I. (2010). Chronology of the Baitovo culture antiquities of the Early Iron Age in the Trans-Urals. In: *III Severnyi arkheologicheskii kongress: Tezisy dokladov 8–13 noiabria 2010* (pp. 155–156). Khanty-Mansiisk; Ekaterinburg: IzdatNaukaSever. (Rus.).

Tsembaliuk S.I. (2015). Household and everyday life of the Krasnoozersk culture population (on the materials of the settlement Marai 1 in Lower Ishim region). *Rossiiskaia arkheologiia*, (3), 43–54. (Rus.).

Tsembaliuk S.I. (2017). Beginning of the Early Iron Age in Ishim basin In: A.P. Derevianko, A.A. Tishkin (Eds.). *V (XXI) Vserossiiskii arkheologicheskii s"ezd* (p. 1107). Barnaul: Izdatel'stvo Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. (Rus.).

Tsembaliuk S.I., Berlina S.V. (2014). The complex of the Early Iron Age fortifications of the settlement of Likhachevskoe in Ishim basin. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (3), 55–65. (Rus.). Retrieved from: http://www.ipdn.ru/_private/a26/55-65.pdf.

Volkov E.N. (2001). Archaeological research in the Kazan district of the Tyumen region in 1998–1999. *Vestnik arheologii antropologii i etnografii*, (3), 226–231. (Rus.).

Zakh V.A. (2009). An ancient settlement of Lastochkino Gnezdo 1 in Lower Ishim basin. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (11), 67–80. (Rus.). Retrieved from: http://www.ipdn.ru/_private/a11/67-80.pdf.

Zakh V.A., Iliushina V.V., Tigeeva E.V., En'shin D.N., Kostomarov V.M. (2015). Indoor Zhuravlevsky complex of the settlement Borki 1 in Lower Ishim basin. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (2), 4–14. (Rus.). Retrieved from: http://www.ipdn.ru/_private/a29/4-14.pdf.

Zakh V.A., Zimina O.Iu. (2014).The early complex of the Krasnoozerka culture of the settlement Mergen 2 in Ishim basin. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (4), 49–60. (Rus.). Retrieved from: http://www.ipdn.ru/_private/a27/47-57.pdf.

Zimina O.Iu., Zakh V.A. (2009). *The Lower Tobol basin at the turn the Bronze and Iron Ages*. Novosibirsk: Nauka. (Rus.).

Zimina O.Iu., Tsembaliuk S.I. (2012). Archaeological sites of Baitovo culture of the forest zone Tobol basin. *AB ORIGINE*, (4), 22–37. (Rus.).

Ziniakov N.M., Tsembaliuk S.I. (2019). Metal forge products at the Maray 1 hillfort. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, (1), 41–52. (Rus.). DOI: 10.20874/2071-0437-2019-44-1-015-024.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.
Submitted: 20.05.2019
Accepted: 10.06.2019
Article is published: 26.09.2019